

УДК 101.1

Е. А. Сергодеева

РАЦИОНАЛЬНОСТЬ СОВРЕМЕННОГО ФИЛОСОФСКОГО ДИСКУРСА

В статье анализируются изменения философского дискурса, характерные для современной интеллектуальной ситуации, осмысление которых происходит сквозь призму рассмотрения трансформации научной рациональности и интеллектуальных практик в целом. Отмечается, что в современной культуре расширяется поле рациональности и наблюдается устойчивый тренд изменения формата философского дискур-

са в сторону литературы и литературной критики. Автором обосновывается идея о том, что современный философский дискурс характеризуется принципиальными различиями в сравнении с классическими стандартами философской рациональности.

Ключевые слова: дискурс, рациональность, философия, культура постмодерна, стиль философствования.

E. A. Sergodeeva

RATIONALITY OF MODERN PHILOSOPHICAL DISCOURSE

The paper analyzes the changes of philosophical discourse which are typical of contemporary intellectual situation and viewed through the lens of transformation of scientific rationality and intellectual practices in general. It is noted that in contemporary culture the field of rationality has been expanding and there has been a steady trend of changing the format of philosophical discourse in the

direction of literature and literary criticism. The author proves the idea that the modern philosophical discourse is characterized by fundamental differences in comparison with the classical standards of philosophical rationality.

Key words: discourse, rationality, philosophy, postmodern culture, style of philosophizing.

В современной интеллектуальной ситуации наблюдаются очевидные изменения философского дискурса. В самом общем виде эти изменения находятся в русле трансформаций научной рациональности и интеллектуальных практик в целом. Это касается не только тематизации философских изысканий в «большой» философии, но и так называемых «коллекторских программ», отвечающих за образцы учебных курсов, классификационные системы, лежащие в основе подразделения научных дисциплин, категориальные модели действительности, определяющие рубрикацию при организации знаний, и наконец, многочисленные попытки определения предмета тех или иных дисциплин.

Вопрос о рациональности философского дискурса специфичен в силу ряда причин. Во-первых, это изначальная рефлексивность самой философии, ее способность

подвергать сомнению не только «здравый смысл», инструментальное знание, опыт, но и саму себя, свои методы, особенности трансформации, роль и значение (можно даже сказать, злободневность) для текущих социальных и культурных событий. «Философы, сомневаясь в точке зрения обывателя и разыскивая выход за пределы обыденных структур опыта, подозревают о сокрытии истины, что порождает различные стратегии «очищения» сознания, попытки конституирования истинной субъективности и т.п. Данная тенденция, отчетливо прослеживающаяся практически во всех исторических формах философской мысли от Декарта и Канта до феноменологов и аналитиков, в нынешней ситуации приобретает новое звучание, обусловленное изменившимся статусом субъекта в современной культуре» [8, с. 40–41].

Во-вторых, это особенности современной интеллектуальной ситуации вообще и в сфере философии в частности. При резком увеличении роли инфокоммуникационных технологий в современном обществе все чаще возникают мысли о ненужности и неуместности философии, о ее аристократизме и «отрыве от реальности».

Наконец, в-третьих, это проблема самоидентификации российской философии. Сюда относятся как вопросы о месте и особенностях национальной отечественной философии в глобализирующемся мировом философском сообществе, так и проблема профессионального статуса философии в российской системе образования и науки. В. И. Пржиленский, в частности, обрисовывает эту проблему следующим образом: «Оторвавшись от своих традиций, будь то религиозный идеализм или диалектический материализм, российские философы испытали колоссальное влияние прежде малодоступных текстов, овладели идеями, оперировать которыми можно было лишь в критически-негативном контексте. Но они, за редким исключением, не примкнули к уже существующим в западных странах школам, а стали мыслить самостоятельно и автономно, ставя и решая проблемы, которые в пространстве мировой философской мысли или не возникали, или формулировались качественно иным образом» [4, с. 139].

Все обозначенные обстоятельства представлены во внешней институциональной и внутренней дискурсивной трансформации философии, которая ярко проявляется на поверхности академической жизни: в трудной смене поколений, интеллектуальных ориентаций и исследовательских парадигм, самого языка философии. Основной фокус этих проблем концентрируется в изменениях философского дискурса, который отражает эволюцию философской проблематики во взаимовлиянии социокультурных и когнитивных факторов.

Современный философ сталкивается с проблемой собственной идентичности – необходимостью осмысления злободневных проблем современности и их формулирования в адекватных в современной ситуации терминах – с одной стороны, и сохранения аутентичного языка, когда он

должен выходить за рамки узкоспециализированного опыта и делать универсальные обобщения, – с другой. Эта ситуация усугубляется сложной внутридисциплинарностью самого современного философского знания, когда оформляются многие отрасли философского анализа (философия науки, искусства, религии и т.п.), с неизбежностью выполняющие функции методологического моделирования и аксиологического сопровождения конкретно-научных исследований. В связи с этим многие западные и отечественные философы отмечают устойчивый тренд изменения формата философского дискурса в сторону литературы и литературной критики. Как пишет Р. Рорти, интеллектуалы Запада со времен Возрождения прошли через три этапа: «сначала они надеялись получить искупление от Бога, потом – от философии, теперь того же ждут от литературы» [5, с. 31].

Показательны в этом смысле многие отечественные дискуссии об «академической и неакадемической философии» [3]. При этом подобную трансформацию дискурса оценивают далеко неоднозначно. В. Семенов отмечает: «Еще Мартин Хайдеггер полагал, что эта замена строгой философской мысли на литературные упражнения была упадком, сдвигом от серьезного мышления к поверхностному любопытству. Многие философы – поклонники естественных наук согласились бы с ним по данному вопросу. Однако сам Ричард Рорти полагает, что эта смена философских дискурсов была шагом вперед» [7, с. 110].

Метатеоретическим основанием подобных изменений выступают философские девизы постмодернизма. Именно они, даже в случае их критической рецепции, задавали общий интеллектуальный фон пересмотра традиционного дискурса, и прежде всего классического концепта субъект-объектных отношений, столь проблематичного и существенного для парадигмы мышления Нового времени. Постмодернистскую модель описания мира можно определить как «ино-научную», заключающуюся в критическом пересмотре эпистемологической ценности научной картины мира, сложившейся в XVII–XVIII веках. Один из мифов-нарративов модерна базируется на идеях научно-

сти, рациональности, истины и претендует на создание решений-рецептов, опирающихся на истину и, в силу своей особой эффективности, всегда и везде применимых. В это время была осознана и легитимирована разница между просто сообщением, повествованием (дискурсом) и научным знанием, которое приобрело статус экспертного, а значит, обнаружило властный и репрессивный потенциал. По мнению постструктуралистов, научный дискурс не противостоит дискурсу власти, а является одним из его вариантов, причем научный дискурс связывается с формированием дисциплины – анонимной системы, играющей роль контрольной инстанции над производством дискурса и реализующей функции власти: принуждения и ограничения. Постмодернизм провозглашает финал утопической эры, ориентировавшейся на одну истину, один образ мира, один художественный способ либо одну научную методологию. В постмодернизме объективный образ мира сменяется представлением мира в определенных социальных и лингвистических конструкциях, определяемых социальными процессами, отягощенными идеологическим выбором участников и структурой властных отношений. Знание не содержит образов реального мира, оно состоит из конструкций, построенных на основе когнитивных интерпретирующих схем.

Ситуацию в постмодерновом философском дискурсе отличают, главным образом, принципиальные различия в интеллектуальных технологиях а также в способах и формах изложения философских идей.

Проблематика постмодерна складывается, как правило, в дихотомии прежним философским традициям: автономному субъекту классического рационализма противопоставляется идея «смерти субъекта» или «смерти автора»; модели языка как сказа бытия противостоит концепция языка как «говорок на поверхности»; на смену линейной концепции необратимого исторического времени приходит представление об одновременном сосуществовании «всех времен». В результате этого на первый план выдвигаются экзистенциально-антропологические, герменевтические направления в философии, что находит выражение и в новом философском дискурсе.

Стоит сказать, что «литературный» характер философских текстов вовсе не является нонсенсом или сугубо современным феноменом. А.Л. Никифоров в своей статье «Природа философии» убедительно показывает, что философское творчество на всем протяжении своего существования было тесно связано как с наукой, так и с искусством. Поэтому можно говорить о параллельном существовании двух стилей философии – рациональном и литературном. «И точно так же, как говорят о сосуществовании в философии «линии Демокрита и линии Платона» (прошу прощения за плагиат), эмпиристской или рационалистической ориентации философов, имеет смысл, возможно, говорить о научной и литературной линиях в философии. Особенно ярко и резко различия в ориентациях философов на науку или на искусство проявились в последние сто пятьдесят – двести лет. Сейчас эта разница в способах философствования, в стиле изложения философских идей стала столь велика, что представители этих разных стилей философствования не читают работ друг друга и часто неспособны понять их. К этому добавляется еще и то, что как научное, так и в особенности литературное философствование в последнее время часто вырождаются либо в квазинаучную болтовню, либо в псевдолитературное пустословие» [2, с. 5].

Не обсуждая перспективы развития данных стилей философствования, сосредоточимся на вопросе рациональных и эвристических возможностей «литературной философии». Этот вопрос тесно связан с проблемой стандартов современной научной рациональности. Действительно, на основе чего следует ориентировать философские исследования, если сами научные идеалы и стандарты крайне проблематизированы в нынешней ситуации. Более того, сама ситуация, обозначаемая терминами «постмодерна» и «постнеклассики», обычно характеризуется как раз через отрицание прежних познавательных стандартов. Однако впечатление о категорическом переосмотре всего прежнего опыта рациональности возникает лишь при ее сужении до рациональности классической науки.

Излишнее «научообразие» философии в этой связи можно считать поэтому причиной ее сегодняшней критики. Стремясь к классической рационализации она рискует утратить собственную аутентичность, перестав вопрошать о смысле. Поэтому литературные трансформации философского дискурса не должны восприниматься как результат внешних воздействий постсовременной культуры или стремление к ослаблению стандартов интеллектуальной техники. Можно согласиться с точкой зрения А. А. Лежебокова относительно того, что «... через полезность иницируется деятельность социальных субъектов» [1, с.112], подчеркивающей прагматический аспект функционирования философии в современной социокультурной ситуации.

Философы обращаются к новым интеллектуальным техникам именно для того, чтобы ответить на новые культурные вызовы и суметь встроиться в новые конфигурации социальных практик. Как отмечает В. Семенков: «Ныне сформировалась новая сфера потребления философского продукта: сфера приватного в человеческой жизни и это задает новые требования к философ-

скому образованию. Речь идет о том, чтобы философия выполняла не только функцию просвещения, но и функцию адаптации к современной жизни... Можно сказать и иначе: все больше людей испытывают потребность в свободной форме потребления той же идеологии/мифологии. Это дистанцированность от идеологии достигается через формирование навыка речевых практик философского дискурса» [7, с. 114].

Таким образом, современный философский дискурс характеризуется принципиальными различиями в сравнении с классическими стандартами философской рациональности. Эти различия касаются понимания характера взаимоотношений философа с текстом, предмета и способов познания, содержания и природы полученного знания, а также форм его изложения и последующих интерпретаций. Ослабление строгих канонов рационализации философского дискурса адекватно плюрализации действительности в постмодерновой культуре, для которой симптоматично сосуществование самых различных форм, ценностных ориентаций и смысловых структур.

Литература

1. Лежебоков А. А. Социокультурный статус местного самоуправления в структуре гражданского общества // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. – 2013. – № 4.
2. Никифоров А. Л. Природа философии // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2009. – № 3 (7).
3. О стиле философствования: академичность и ее альтернативы // Эпистемология и философия науки. – 2007. – № 1.
4. Пржиленский В. И. Российские философы в «лабиринте идентичностей» // Философские науки. – 2009. – № 2.
5. Рорти Р. От религии через философию к литературе: путь западных интеллектуалов // Вопросы философии. – 2003. – № 3.
6. Рорти Р. Случайность, ирония, солидарность. – М., 1996.
7. Семенков В. Философия как литература: об институциональных последствиях изменения формата философского дискурса // Res Cogitans. – 2010. – № 7.
8. Сергодеева Е. А. Подозрение как феномен современной культуры // Философские науки. – 2013. – № 6.